

Омельченко Александр Павлович

**В поисках социалистической
морали. Семья и проституция.
Желание и долг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Павлович О.**
В поисках социалистической морали. Семья и проституция. Желание и долг / Омельченко
Александр Павлович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 111 с.

ISBN 978-5-521-26333-2

ISBN 978-5-521-26333-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

СЕМЬЯ И ПРОСТИТУЦІЯ.

I.

Молодой писатель В. Винниченко, известный украинской читающей публикѣ какъ авторъ интересныхъ рассказовъ изъ жизни «рабочаго люда», собранныхъ имъ въ отдѣльную книгу подъ общимъ заглавіемъ «Краса и Сила», въ сборникѣ «Дзвінъ», вышедшемъ въ 1907 году и носящемъ опредѣленно выраженный социаль-демократическій характеръ, напечаталъ четырехактную драму подъ заглавіемъ «Щаблі Життя», что по-русски, не совсѣмъ точно, можетъ быть переведено «Цѣли Жизни». Еще раньше, отдѣльнымъ изданіемъ, вышли двѣ другія пьесы того же талантливаго автора: «Дізгармонія» и «Великій Молохъ». Въ этихъ драматическихъ вещахъ Винниченко, являясь въ новой для него роли бытописателя партійной социалистической интеллигенціи, не только даетъ нѣсколько ярко очерченныхъ образовъ: Мирона Антоновича въ «Щабляхъ», Мартына въ «Дізгармоніи», Зінька и Катри въ «Молохѣ», но и ставитъ на разрѣшеніе читателя цѣлый рядъ моральныхъ проблемъ.

Среда, которую описываетъ драматургъ, въ связи съ реалистическимъ письмомъ, правдиво изображающимъ жизнь, вполне достаточныя данныя для того, чтобы къ пьесамъ молодого автора было привлечено вниманіе демократической молодежи читающей на малорусскомъ языкѣ.

Я не сомнѣваюсь, что этотъ сравнительно узкій читательскій кругъ значительно расширится, когда пьесы Винниченка,—да и другія его вещи,—будутъ переведены на русскій языкъ. А это случится въ близкомъ буду-

щемъ, такъ какъ пьесы Винниченка не только способны доставлять эстетическое наслажденіе, какъ всякая художественно исполненная вещь, но еще и потому, что въ нихъ, помимо вѣрности рисунка правдѣ жизни—объективному ея ходу, есть еще, если только такъ можно выразиться, и жизнь правды.

И эту жизнь правды я вижу не только въ томъ, что герой драмы «Щаблі Життя», молодой революціонеръ Миронъ Антоновичъ страдалъ, какъ выражается его братъ наборщикъ, въ сибирской ссылкѣ «за идеи»;—что товарищъ Мартынъ, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ «Дізгармоніи», вопреки гордому своему заявленію, что ему «наплевать на всѣ морали», какъ борецъ за осуществленіе идеаловъ соціалъ-демократіи идетъ въ тюрьму;—что докторъ Зінько въ «Великомъ Молохѣ», преодолевъ проснувшійся въ немъ грубый эгоизмъ, радостно отправляется устраивать побѣгъ изъ тюрьмы нужному для партіи человѣку. Не только въ этихъ фактахъ рѣшимости подвергать себя лишенію свободы и ставить свою жизнь въ опасность ради служенія идеѣ я вижу жизнь правды, но и въ той манерѣ письма, съ какой подходитъ авторъ для изображенія дѣйствительности. Винниченко не только даетъ намъ типы малороссійской революціонной интеллигенціи, живьемъ выхваченные изъ реальной жизни, но онъ показываетъ читателямъ своихъ героевъ въ моменты наиболѣе напряженной ихъ душевной борьбы, въ тѣ моменты, когда нравственная личность человѣка готова уже отлиться въ ту или другую форму: недостаетъ лишь нѣсколькихъ фактовъ или нѣсколькихъ мыслей, чтобы можно было поставить знакъ равенства между жизнью по правдѣ и правдой жизни.

Герои Винниченка въ поискахъ этой правды: докторъ Зінько ищетъ «куда ему взять паспортъ для своей души»; Миронъ Антоновичъ хочетъ такъ жить, чтобы всегда

можно было «быть честнымъ съ собой»; Ольга въ «Дизгармоніи» жаждетъ имѣть такой взглядъ на міръ, чтобы съ его помощью можно было гордо и свободно управлять своими поступками. Но герои Винниченка социалисты и революціонеры: имъ нуженъ паспортъ не для входа въ монастырскую обитель или удаленные отъ уличнаго шума кабинетъ и лачугу. Они сыны и дочери улицы и хотятъ жить дѣятельною жизнью среди людей, поэтому то и ищутъ они не правды покоя, а правды дѣятельности, иными словами, морали поведенія. Грицько въ «Дизгармоніи» ясно и ярко говоритъ: «мы передовые люди, мы борцы за правду, за добро, мы должны быть и чистыми и высокими», — «развѣ социализмъ, какъ ученіе только въ идеѣ уничтоженія капитализма? Уничтоженіе капитализма только средство, а идеаль социализма — гармонія жизни, жизни широкой, полной и великой!» — «Мы требуемъ отъ агитатора, чтобы онъ прочиталъ то и это, чтобы зналъ нашу программу, и совершенно не интересуемся, какая у него этическая программа...»

Этическая программа! Да, пьесы Винниченка, если смотрѣть на нихъ какъ на продуктъ общественной необходимости, ничто иное, какъ литературное выраженіе назрѣвшей среди той части общества, бытописателемъ которой является такой ея знатокъ, какъ Винниченко, потребности имѣть свою мораль, свою этическую программу. Въ этихъ поискахъ социалистической морали, точнѣе говоря морали социалистической интеллигенціи, находятся не только герои Винниченка, но на этой дорогѣ стоитъ и самъ авторъ.

Когда вы читаете работы Винниченка, вы чувствуете за строчками книги не холоднаго морально-безстрастнаго художника, а вдумчиваго писателя-товарища, такъ же, какъ и его читатели, нервно ищущаго морали социалистическаго поведенія и талантливо передающаго рус-

скую жизнь въ этотъ ея моментъ социалистически-этическихъ исканій.

Еще недавно было время, когда вопросы этики среди демократическихъ слоевъ населенія не пользовались престижемъ. Въ моменты, требующіе поступковъ, нельзя учиться, какъ дѣйствовать, и совершенно было естественно, что вопросы практической политики отодвинули на задній планъ всѣ вопросы, какіе не были непосредственно связаны съ политически-житейскими нуждами дня. Но силою историческихъ судебъ этотъ періодъ миновалъ, и когда всѣмъ стало ясно, что теперь не время массовыхъ активныхъ «дѣлъ», а время накопленія энергіи, тогда и выплылъ на поверхность общественнаго сознанія вопросъ о томъ, какъ надо и какъ не надо дѣйствовать. И побѣжали двѣ волны—одна историческая, а другая этическая: и тотъ фактъ, что исторію русской революціи стали писать ея непосредственные дѣятели, когда еще не успѣли завянуть вѣнки на ея могилѣ, ясно говоритъ, что пишутъ не исторію, а пересматриваютъ лишь свою тактику. Въ процессѣ этого пересмотра, когда историческія экскурсіи будутъ закончены, и самъ собою станетъ формулированный Грицькомъ вопросъ: «что мы обязаны нести пролетаріату», тогда-то историческая дорожка и сольется съ этической.

Я говорю—сольется, но теперь, пока что, это не только двѣ дорожки, и идущіе по нимъ бредутъ разнo, но «историки», все еще находящіеся подъ властью прошлаго, съ предубѣжденіемъ относятся къ моралистамъ. «Мораль выдуманна сильными для слабыхъ», говорятъ «историки» и загнипотизированные партійной стариной не видятъ, какъ противъ этой узкой и невѣрной формулы, хотя и медленно, но растетъ массовый протестъ. Растетъ протестъ не потому, что «рабы» жаждутъ воспріять мораль господъ, а потому, что подобнаго рода

формула мѣшаетъ рабамъ капитализма—рабочимъ выработать коллективной сознательной мыслью свою пролетарскую мораль. А эта мораль, базируясь на изученіи эмпирической дѣйствительности, должна при свѣтѣ идеаловъ научнаго социализма выработать правила поведения каждаго изъ насъ къ самому себѣ, къ семьѣ и дѣтямъ, къ партіи и обществу.

Эта мораль не можетъ быть отзвукомъ права сильного, а должна быть правомъ «честнаго». Понятіе силы, и только одной голой силы, не можетъ имѣть мѣста, когда рѣчь идетъ о внутриклассовыхъ отношеніяхъ, о поведеніи по отношенію къ сочленамъ своего класса и по отношенію къ тѣмъ, кто въ экономической пирамидѣ занимаетъ еще болѣе низкое сравнительно съ моимъ мѣсто. Если право лишь организованность сильныхъ для борьбы со слабыми, то пролетарскія честь и совѣсть—эти альфа и омега морали—не простые подпаски господской морали. У пролетарія впереди не только «смѣлый бой», но этотъ бой, по глубокому чувству всѣхъ, кто вступаетъ въ него, долженъ быть «за дѣло правое». Мораль же ничто иное, какъ система социальной правды, изложенная въ нормахъ конкретнаго поведения той общественной группы, съ чьей точки зрѣнія устанавливается эта правда.

Въ пьесахъ Винниченка это—точка зрѣнія социалистической интеллигенціи и на разрѣшеніе читателей ставится лишь нѣсколько моральныхъ проблемъ, въ настоящее время наиболѣе волнующихъ демократическіе слои общества: «Щаблі Життя»,—вопросъ о семьѣ и проституціи, «Дізгармонія»—разладъ между партійною и личною честностью, «Великій Молохъ» — борьба личнаго настроенія съ партійнымъ долгомъ. Но поскольку жизнь недѣлима, постольку во всѣхъ этихъ пьесахъ лишь подчеркиваются отдѣльныя проблемы, но нисколько не

абстрагируются: всѣ эти пьесы—странички русскихъ революціонныхъ годовъ, написанныя широкими штрихами, яркими сочными красками. Иногда вы чувствуете напряженіе авторской творческой мысли и боитесь, что она сейчасъ оборвется; замѣчаете мѣстами натянутость въ письмѣ, особенно тогда, когда авторъ, забывъ, что онъ отъ природы достаточно сильный юмористъ, хочетъ искусственно выдвинутой формулой отвлечь вниманіе читателей по направленію къ смѣшному; порой васъ коробятъ политическіе антилиберальныя выпады драматурга, особенно въ безъ-образной и безобразной сценѣ съ появленіемъ либераловъ въ «Дізгармоніи»; временами вамъ хотѣлось бы большей принципиальной ясности, но всѣ эти недостатки легко забываются за наличностью художественной правды. Жизнь не покидаетъ ни одну изъ страницъ пьесъ и хотя не всѣ онѣ одинаковаго этического и теоретическаго достоинства, но всѣ ихъ необходимо прочесть, какъ художественныя картины моральныхъ переживаній соціалистически настроенныхъ людей, тѣхъ переживаній, которыя можно обобщить яркою симптоматическою фразою доктора Зинько: «Я хочу честно жить!»

Въ теоретическомъ отношеніи «Дізгармонія» имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ двѣ другія пьесы, но зато она любопытнѣйшій источникъ для характеристики октябрьскихъ дней въ эпоху начала конституціонныхъ погромовъ. Въ «Великомъ Молохѣ» рѣчь идетъ о внутрипартийныхъ отношеніяхъ, въ «Щабляхъ» же политика лишь аксессуаръ, а весь интересъ пьесы въ проблемахъ личнаго поведенія. Я одновременно ваше вниманіе обращаю на эти три пьесы потому, что всѣ эти вещи дополняютъ одна другую, и какъ цѣлое заслуживаютъ самаго пристальнаго изученія. Въ этомъ изученіи въ первыхъ лекціяхъ мы познакомимся съ произведеніемъ

болѣе поздняго времени съ «Щаблями Жіття», разсмотрѣвъ его подѣ угломъ зрѣнія трудной проблемы взаимоотношенія между семьей и проституціей, а затѣмъ въ слѣдующихъ лекціяхъ двѣ другія пьесы дадутъ намъ матеріалъ для постановки вопроса о соціальной дисгармоніи соціалистической личности, о борьбѣ между желаніемъ и долгомъ, борьбѣ, приводящей къ солидарности «я» и «мы».

II.

Помимо удачной обрисовки бытовых характеровъ, драма «Щаблі Життя» останавливаетъ на себѣ вниманіе новой постановкой вопросовъ семьи и брака, любви и проституціи, при чемъ эти вопросы ставятся,—я не говорю рѣшаются,—въ конкретной формѣ и жизненной обстановкѣ. Эти вопросы, взятые сами по себѣ, лишь отдѣльныя главы общей проблемы о личномъ счастьѣ: въ чемъ цѣль личнаго счастья—въ стремленіи-ли къ семьѣ или въ свободѣ отъ семейныхъ правъ и обязанностей; въ чемъ любовь—въ тѣлесномъ обладаніи или въ духовномъ единеніи любящихъ; а если цѣль извѣстна, то съ какими общественными предразсудками, стоящими на пути къ осуществленію счастья, надлежитъ бороться свободному и сильному человѣку?

Какъ бы мы ни относились къ Санину, какъ типу, какую бы низкую моральную и эстетическую оцѣнку ни давали роману Арцыбашева, нельзя отрицать, что въ самомъ замыслѣ этой вещи была вложена цѣнная мысль, и талантливая разработка намѣченной Арцыбашевымъ темы могла бы имѣть большое общественное значеніе. Если «Санинъ», какъ вопросъ нашего времени, разработка нормъ свободной половой любви, то «Санинъ», какъ замыселъ, попытка нарисовать борца съ общественными предразсудками за идеалы свободной человѣческой жизни. Арцыбашеву этотъ замыселъ совершенно не удался. Но изъ факта этой неудачи не слѣдуетъ, что